

DOI: [10.14515/monitoring.2021.3.1893](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893)

К. Ю. Ерицян, М. М. Русакова, А. А. Александрова, Н. М. Усачева

ПЕРЕЖИТЬ ЛОКДАУН: ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАНЯТОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Правильная ссылка на статью:

Ерицян К. Ю., Русакова М. М., Александрова А. А., Усачева Н. М. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.

For citation:

Eritsyanyan K. Y., Rusakova M. M., Aleksandrova A. A., Usacheva N. M. (2021) Surviving a Lockdown: Changes in Employment and Psychological Well-being of the Population in the Pandemic Era. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 250–270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>. (In Russ.)

ПЕРЕЖИТЬ ЛОКДАУН: ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАНЯТОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

ЕРИЦЯН Ксения Юрьевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: ksenia.eritsyan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>*

РУСАКОВА Майя Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии, научный руководитель Социологической клиники прикладных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: rusakova.maia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1381-353X>*

АЛЕКСАНДРОВА Анастасия Алексеевна — ведущий специалист Социологической клиники прикладных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: aleksand-nastya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5492-0126>*

УСАЧЕВА Нина Михайловна — главный специалист Ресурсного Центра, Центр социологических и интернет-исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: marudova_n.m@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8722-3976>*

Аннотация. На основании данных репрезентативного опроса жителей Санкт-Петербурга ($N = 1226$) исследу-

SURVIVING A LOCKDOWN: CHANGES IN EMPLOYMENT AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION IN THE PANDEMIC ERA

*Ksenia Yu. ERITSYAN¹ — Cand. Sci. (Psych.), Researcher at the Institute of Psychology
E-MAIL: ksenia.eritsyan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>*

Maia M. RUSAKOVA² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of Applied and Branch Sociology; Director of the Sociological Clinic of Applied Research

*E-MAIL: rusakova.maia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1381-353X>*

Anastasiia A. ALEKSANROVA² — Senior Specialist of the Sociological Clinic of Applied Research

*E-MAIL: aleksand-nastya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5492-0126>*

Nina M. USACHEVA² — Chief Specialist, Resource Center "Center for Sociological and Internet Research"

*E-MAIL: marudova_n.m@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8722-3976>*

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on the data of a representative survey of residents of St. Petersburg ($N = 1226$), the article inves-

ются изменения в занятости горожан, произошедшие в период пика ограничительных мер и режима самоизоляции, введенных в связи с пандемией коронавируса, а также связь этих изменений с психологическим благополучием горожан.

В результате исследования выявлено, что преобладающее большинство петербуржцев столкнулись с негативными трансформациями как формата работы, так и условий труда. Последствия пандемии, связанные с финансовыми потерями, в наибольшей степени ощутили на себе самозанятые и индивидуальные предприниматели, а связанные с психологическим благополучием — женщины. В отличие от международных оценок, изменения в занятости молодого поколения нельзя однозначно трактовать как негативные. Наиболее весомый вклад в ухудшение психологического состояния вносят потеря работы и ухудшение финансового положения. Другие формы изменений, в том числе переход на удаленную работу, в краткосрочной перспективе не сопряжены с динамикой показателей психологического благополучия. Субъективная оценка событий, связанных с пандемией COVID-19, как угрожающих благополучию — второй мощный фактор ухудшения психологического благополучия в пик пандемии и начала введения ограничительных мер.

Ключевые слова: социальные изменения, занятость, пандемия, локдаун, карантин, психологическое благополучие

Investigates changes in employment faced by the citizens during the peak of restrictive measures and regime of self-isolation, as well as the relationship of these changes with psychological well-being. The research shows that the overwhelming majority of respondents experienced negative changes associated with the format of work and its conditions. Self-employed and individual entrepreneurs have been the most affected category in terms of financial losses, while women in — terms of psychological well-being. Contrary to international assessments, changes in employment of the younger generation cannot be interpreted as predominantly negative. The article argues that the loss of job and deterioration of the financial situation contribute significantly to the worsening of psychological well-being. Other kinds of change, including the shift to teleworking, are not associated with the dynamics of indicators of psychological well-being. A subjective assessment of the changes associated with the COVID-19 pandemic as threatening is the second factor in the worsening of the mental state in the acute period of the pandemic and the beginning of the implementation of pandemic-related restrictive measures.

Keywords: social changes, employment, pandemic, lockdown, psychological well-being, quarantine

Введение

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 вызвало стремительные и серьезные изменения в экономике почти всех стран, а также жизнедеятельности населения. С одной стороны, введенные на территориальном уровне ограничительные меры по борьбе с COVID-19 повлияли и на образ жизни людей, и на экономику, а следовательно — и занятость населения. По данным на 2021 г., 93% работников в мире проживают в странах, где сохраняется ограничительный режим, включающий в том числе закрытие предприятий [ILO Monitor, 2021]. С другой стороны, меры, которые сами люди предприняли во избежание заражения коронавирусом, также изменили характер занятости и индивидуальные стратегии на рынке труда.

По данным Всемирного банка на июнь 2020 г., кризис, вызванный пандемией, приведет к падению мирового ВВП на 5,2%, несмотря на оказываемый объем государственной поддержки [Россия в новую эпоху..., 2020]. Международная организация труда также отмечает сохранение негативных тенденций в сфере занятости населения: в 2020 г. по сравнению с 2019 г. наблюдается сокращение мирового рабочего времени на 8,8%, что эквивалентно потере 225 млн рабочих мест [ILO Monitor, 2021]. Несмотря на положительные тенденции в таких отраслях, как телекоммуникационное обеспечение, финансовое и страховое обслуживание, сохраняется общий тренд, связанный с экономической нестабильностью и неопределенностью. Наиболее пострадавшими категориями граждан признаны женщины, молодое поколение до 25 лет, самозанятые, а также люди со средним или низким уровнем квалификации [ILO Monitor, 2021; Аналитическая записка..., 2020], которые в наибольшей степени были задействованы в пострадавших от пандемии отраслях. Ситуация в российской экономике сходна с общемировой. По данным официальной статистики Росстата, общая безработица возросла в период пика ограничительных мер на 1,7 процентных пункта, продолжительность рабочего времени упала почти на 4,5 п. п., недозанятость возросла с 3,1 п. п. до 6,7 п. п.¹ По консенсус-прогнозу на 2020 г., падение реальных располагаемых доходов населения лишь наполовину компенсируется их ростом в 2021 г. [Россия в новую эпоху..., 2020]. В связи с этим актуальным становится обеспечение благополучия граждан, а также сохранение качества их жизни.

Классический подход к изучению проблем занятости и неравенств рассматривал человека как рационального экономического агента в отрыве от его социальных отношений и субъективных ощущений [McGregor, 2004; Douglas, Neu, 1998]. Концепция благополучия (wellbeing), напротив, сочетает как объективные показатели, так и характеристики субъективного восприятия людьми своей жизни [Allin, Hand, 2014; OECD, 2011]. Сегодня она активно используется при изучении и макроэкономических [McGregor, Pouw, 2017], и микроэкономических проблем, связанных с поведением населения [Headey, 1993]. В рамках данного подхода значимость приобретают не только объективно измеряемые феномены, такие

¹ Капелюшников Р. И. Вебинар: Рынок труда в России: до и во время пандемии. Инфраструктура научно-исследовательских данных. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=O2SGtnWt0GY&fbclid=IwAR2MffgD_fzmCxIG5ZSxhf70MBt3_3qK_UJyoYzNkJ-DDcl2yUfRUXWH42M (дата обращения: 15.06.2021).

как изменения в занятости, но и их субъективное отражение, в том числе в том, как человек себя ощущает физически и психологически.

То, что социальные или индивидуальные изменения могут негативно влиять на психологическое и физическое здоровье населения, — уже давно признанный феномен в социальных науках и общественном здравоохранении. Основным объяснительным механизмом здесь служит концепт стресса и стрессогенных событий, которые его вызывают. Однако остается открытым вопрос, как именно жизненные перемены влияют на показатели здоровья и благополучия. Эмпирические исследования, базировавшиеся на ранних моделях стресса, в основном фиксировали связь количества изменений в жизни человека за определенный период и ухудшения различных показателей здоровья [Rabkin, Struening, 1976]. Более поздние модели, такие как транзактная модель стресса [Folkman, Lazarus, 1984], уже включают значительное количество медиаторных переменных на индивидуальном уровне, объясняющих, почему одни и те же события могут воздействовать на людей с разной силой, а иногда и вовсе не оказывать никакого воздействия. К таким переменным относятся те, которые объясняют различное отношение человека к данным трансформациям, а также индивидуальные стратегии совладания человека со стрессом и особенности его социальной среды — более или менее поддерживающей.

Смена трудового статуса также может быть концептуализирована в терминах ролевой теории и теории переходов [Pearlin, Notes, 2010; Ferraro, 2001]. В таком случае переход человека к выполнению тех или иных ролей или смена статуса, особенно за короткий промежуток времени, могут расцениваться как факторы смены жизненных траекторий, что влечет за собой последствия для других сфер жизни (концепция вторичных стрессоров, см. [Pearlin et al., 1981]).

Связь изменений в занятости (в частности, потеря работы) и негативных эффектов для психологического здоровья и благополучия была показана ранее на материалах зарубежных исследований (см., например, [Olesen et al., 2013; Burgard, Brand, House, 2007]). Однако до настоящего момента они оценивались в рамках работ, направленных на анализ влияния этих трансформаций на здоровье, индивидуальные жизненные изменения или каких-либо локальных или отраслевых трендов. В данном же случае социальные изменения фактически носят глобальный, общемировой характер, так как они одновременно и внезапно коснулись существенной части сфер экономики во всех странах мира. На данный момент неизвестно, насколько сохраняются выявленные закономерности при таком тотальном характере социальных изменений. Если трансформации в формате занятости коснулись фактически каждого, то так же ли угрожающе они воспринимаются и так же сильно результируют в показатели благополучия?

Анализ опубликованных эмпирических работ показывает, что, несмотря на значительный интерес, лишь ряд зарубежных исследований непосредственно были направлены на изучение эффектов пандемии на психологическое здоровье и благополучие населения через трансформацию трудовой занятости [Witteveen, Velthorst, 2020; Wilson et al., 2020]. К ограничениям данных исследований, помимо того, что они были проведены преимущественно в западных странах, относится то, что они фиксировали лишь несколько из множества возможных вариантов

изменений трудовой занятости. При этом используемые в них переменные варьировали от потери работы до опасений ее потерять. Большинство российских исследований при изучении последствий пандемии обращают особое внимание на трансформации в занятости россиян, в частности связанные с неформальной занятостью, которая в результате введенных мер поддержки стала более видимой (см., например, [Логонов, 2020; Малева и др., 2020; Щетинина, 2020]). Их связь с изменениями в психологическом состоянии в подобных исследованиях чаще всего специально не изучается. В то же время в сообщениях массмедиа и лиц, принимающих решения, она может постулироваться как само собой разумеющаяся. Какие именно изменения в занятости россиян в условиях пандемии связаны с психологическим неблагополучием населения и насколько сильна данная связь, на данный момент остается неизвестным.

В настоящей статье мы ставим три основные задачи:

1) оценить масштаб и содержание изменений в трудовой занятости жителей Санкт-Петербурга в период острой фазы распространения коронавирусной инфекции и введения режима самоизоляции;

2) охарактеризовать, какие группы были наиболее уязвимы к изменениям в трудовой занятости в условиях российского мегаполиса;

3) оценить связь между изменениями в трудовой занятости и изменениями психологического благополучия петербуржцев.

Методы исследования

Сбор данных

Эмпирическая база исследования основана на данных телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга ($N = 1226$) в возрасте от 18 лет и старше, постоянно проживающих в городе. Опрос проводился на базе Ресурсного центра «Центр социологических и интернет-исследований» Санкт-Петербургского государственного университета с использованием системы CATI — программы с компьютерным контролем ввода данных, в апреле 2020 г., через 2,5 недели после введения в Санкт-Петербурге карантинных мер и режима самоизоляции. Расчет контрольных параметров (пол, возраст) репрезентативности выполнялся для Санкт-Петербурга на основании сведений о численности населения в районах города (согласно Переписи населения 2010 г.). В полученной выборке было 56,3 % женщин и 43,7 % мужчин со следующим распределением по возрастным группам: от 18 до 29 лет — 22,9 %, от 30 до 39 — 18,1 %, от 40 до 49 — 16,7 %, от 50 до 59 — 18,1 %, старше 60 лет — 24,1 %.

Переменные

Изменения в трудовой занятости

Чтобы определить, какие изменения произошли в трудовой занятости горожан, были выделены две категории жителей: те, кто имел оплачиваемую работу до того, как был введен режим самоизоляции, и те, кто не имел работы. В итоговой выборке у 74,1 % горожан была оплачиваемая работа до введения режима самоизоляции (из них 51,4 % женщин и 48,6 % мужчин). Средний возраст составил 42 года (станд. отклонение = 14,001).

Вопрос об изменениях, с которыми столкнулись люди, имевшие работу, был задан через дихотомическую переменную, где респондентам предлагалось отметить все трансформации в трудовой занятости, которые произошли у них с начала режима самоизоляции («Вы столкнулись со следующими ситуациями на работе после того, как был введен режим самоизоляции (30 марта 2020)?»). Возможные ситуации касались потери работы, ее смены, перехода на неполный рабочий день или на удаленную работу, уход в оплачиваемый или неоплачиваемый отпуск, сокращения заработной платы и пр. Второй категории жителей также был задан вопрос о трансформациях в занятости, связанных с поиском работы и трудоустройством.

Изменения в уровне психологического благополучия

Изменения в уровне психологического благополучия оценивались с помощью двух индикаторов:

1) Самооценка изменений психологического состояния: респондентам был задан вопрос «За последний месяц Ваше психологическое состояние улучшилось или ухудшилось?» с вариантами ответа от «значительно улучшилось» (5 баллов) до «значительно ухудшилось» (1 балл). В большинстве случаев респонденты говорили, что их психологическое состояние не изменилось (3 балла, 50,1%) или ухудшилось (немного — 2 балла, 27,1% или значительно — 1 балл, 13,9%).

2) Самооценка выраженности отдельных эмоциональных проявлений измерялась с помощью вопроса «За последний месяц Вы испытывали следующие эмоции чаще, реже или так же часто, как обычно?». Респонденты оценивали каждую из следующих эмоций по шкале «чаще, чем обычно», «так же, как обычно», «реже, чем обычно». Если респондент указывал на то, что он испытывал позитивные эмоции (бодрость, энергия; радость, счастье; спокойствие, умиротворение) чаще, чем обычно, то по каждой эмоции присваивался один балл. В случае если он испытывал негативные эмоции (тревога, напряжение; усталость, упадок сил; злость, раздражение; одиночество, покинутость) чаще, чем обычно, то присваивался минус один балл. Если частота эмоциональных проявлений не изменялась, баллы не присваивались. Таким образом, выраженность различных эмоциональных проявлений могла находиться в пределах от -7 до $+7$ баллов. Среднее значение составило 1,6 балла (ст. отклонение — 2,7 баллов).

Другие независимые переменные

В качестве дополнительных переменных, потенциально связанных с изменением психологического благополучия, были изучены:

1) Изменения в характеристиках здоровья и бюджета времени (в количестве свободного времени, количестве работы по дому, времени, затрачиваемом на оплачиваемую работу, на уход и присмотр за детьми, включая помощь в обучении) по сравнению с периодом до пандемии; общая оценка материального и физического состояния. Все параметры были оценены по пятибалльной шкале: «значительно увеличилось/улучшилось», «немного увеличилось/улучшилось», «не изменилось», «немного уменьшилось/ухудшилось», «значительно уменьшилось/ухудшилось».

2) Оценка ситуации в связи с пандемией COVID-19. На основании перечня вопросов были рассчитаны общие самооценочные показатели:

а) субъективной осведомленности о ситуации с пандемией: четыре вопроса (пример вопроса: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы проинформированы о том, как избежать заражения коронавирусом, по шкале от 1 до 5, где 1 — очень плохо проинформирован(а); 5 — очень хорошо проинформирован(а)»);

б) удовлетворенности мерами поддержки горожан в связи с пандемией: семь вопросов (пример вопроса: «Насколько хорошо или плохо организована... материальная поддержка граждан?»; варианты ответа: «очень хорошо», «скорее хорошо», «скорее плохо», «очень плохо»);

в) беспокойства в связи с потенциальными последствиями пандемии: 10 вопросов (пример вопроса: «Насколько лично Вы беспокоитесь о том, что... не сможете достать необходимые Вам лекарства в аптеках?»; варианты ответа: «совсем не беспокоюсь», «скорее не беспокоюсь», «скорее беспокоюсь», «очень беспокоюсь»).

3) Социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, образование, род деятельности, количество несовершеннолетних детей, проживающих совместно с респондентом).

Анализ данных

Чтобы описать изменения в занятости горожан, мы рассчитали процентные распределения. Для определения наиболее уязвимых групп в отношении изменений режима занятости были выделены группы, которые, согласно данным международных замеров, в наибольшей степени пострадали от введения ограничений (в соответствии с данными Международной организации труда):

а) молодежь до 25 лет (их доля в выборке составила 11,8%),

б) люди пенсионного возраста (доля мужчин старше 60 лет составила 7,4%, доля женщин старше 55 лет — 24,0%),

в) самозанятые и индивидуальные предприниматели (14,6%);

г) женщины (56,3%);

д) лица с более низким уровнем образования (отсутствие полного профессионального образования — 7,9%; начальное или среднее профессиональное образование — 30,1%).

Также в связи с высоким вниманием в российской социальной политике последних лет к благополучию семей с несовершеннолетними детьми, которая также отражается в защите трудовых прав определенных категорий родителей, была проведена оценка изменений в занятости у людей, проживающих вместе с несовершеннолетними детьми (доля составила 28,1%).

Для оценки различий между потенциально уязвимыми группами и другими категориями граждан и изменениями в занятости, с которыми они столкнулись, был рассчитан критерий согласия χ^2 Пирсона. В статье описаны статистически значимые различия, полные данные приведены в таблицах (см. приложение).

Для оценки взаимосвязи между изменениями в занятости и психологическом благополучии были построены две множественные регрессионные модели: порядковая (для зависимой переменной «Самооценка изменений в общем уровне психо-

логического благополучия») и линейная (для зависимой переменной «Самооценка выраженности отдельных эмоциональных проявлений»). Данные модели были сформированы на основании теоретических предположений о стрессогенном характере жизненных изменений, которые могли результировать в снижение показателей психологического благополучия. Поскольку трансформации в занятости в результате пандемии коронавируса могли происходить совместно с другими изменениями, все они были включены для проверки в модели. Ключевые группы вызванных пандемией жизненных изменений включали следующие домены:

- 1) в трудовой занятости;
- 2) в бюджете времени;
- 3) в физическом здоровье;
- 4) в финансовом благополучии.

В соответствии с положениями транзактных моделей стресса модели также были дополнены когнитивной оценкой пандемии как источника стресса, а также социально-демографическими показателями.

На первом этапе построения каждой из моделей были проверены взаимосвязи между зависимой и независимыми переменными. Переменные, продемонстрировавшие наличие значимой взаимосвязи, были включены в первоначальные регрессионные модели. Окончательные модели были получены при использовании метода обратного шага.

Результаты исследования

Изменения в занятости горожан

Из тех, у кого до пандемии не было оплачиваемой работы (26,1%, или 318 человек), у преобладающего большинства (96,2%) ситуация с трудоустройством не изменилась, остальные нашли постоянную работу не по специальности (0,2%) или временную работу (0,5%). Количество людей, ранее не имевших постоянной работы, которые трудоустроились после введения режима самоизоляции, незначительно, поэтому данные не использовались для дальнейшего статистического анализа.

Большинство горожан, у которых на момент введения режима самоизоляции была оплачиваемая работа (76,2%, или 605 человек), столкнулись хотя бы с одним из изменений в занятости: в среднем каждый петербуржец столкнулся с одним или двумя из перечисленных ниже изменений в формате занятости ($M = 1,38$, $St. D = 1,144$). Чаще всего это выражалось в переходе на удаленную работу (35,7%) и сокращении заработной платы (30,2%) или в переходе на неполный рабочий день (17,0%). С потерей работы столкнулись 14,5% горожан. В то же время у части петербуржцев, наоборот, занятость существенно увеличилась (8,6%) (см. рис. 1).

Данные изменения в неравной мере затронули разные группы населения. Самозанятые, бизнесмены и индивидуальные предприниматели существенно чаще наемных работников сталкивались с потерей работы или снижением заработной платы. Среди них также более высока доля тех, кто перешел на неполный рабочий день. В то же время представители данной категории чаще наемных работников успевали находить новые возможности для трудоустройства в кризисный период.

Рис. 1. Доля трудоустроенных жителей, столкнувшихся с изменениями в занятости, %

Наличие у работников несовершеннолетних детей не снижало вероятность негативных трансформаций в занятости. Респонденты, с которыми проживали несовершеннолетние дети, не получали дополнительных преференций, напротив, они даже чаще сталкивались с такими негативными изменениями, как потеря работы или снижение заработной платы.

Наличие профессионального, и в особенности высшего образования в условиях российского мегаполиса играет протективную роль, защищая от большинства негативных трансформаций в занятости. Петербуржцы с высшим образованием существенно реже прочих теряли работу или же были вынуждены уйти в неоплачиваемый отпуск. Для них основные изменения чаще всего заключались в переходе на дистанционный режим работы.

К относительно более защищенным группам населения можно отнести и работающих пенсионеров, изменения для которых также чаще имели достаточно мягкую форму. Лица пенсионного возраста чаще других были вынуждены уйти в оплачиваемый отпуск, что является логичным следствием введенных на территории Российской Федерации ограничительных мер в отношении данной категории граждан. Однако официально объем их занятости менялся реже, чем у других категорий населения, и они реже прочих сталкивались с сокращением заработной платы.

Различия в изменениях занятости у мужчин и женщин были выражены слабо и в основном заключались в том, что женщины чаще мужчин сталкивались с переходом на удаленную работу. Молодежь чаще сообщала о переходе на большую долю ставки и получении дополнительной работы или, напротив, о переходе на неполный рабочий день.

Связь изменений в занятости и динамики психологического благополучия

Обе итоговые регрессионные модели показали сходный набор предикторов изменений в показателях психологического благополучия (см. табл. 1). Из всех

возможных вариантов трансформаций занятости лишь потеря работы была существенным предиктором ухудшения психологического благополучия. Другие изменения, касающиеся нагрузки или формата работы, (например, переход на удаленную работу), не показали какой-либо связи с динамикой психологического благополучия. Второй независимый предиктор снижения психологического благополучия — снижение личного дохода или доходов домохозяйства. Перемены в бюджете времени, связанные с изменением количества свободного времени или перераспределением времени на различные задачи, не показали связи с психологическим благополучием. Протективным фактором для психологического благополучия является физическое здоровье и меры по его поддержке. Тех горожан, которые в условиях самоизоляции смогли вести более здоровый образ жизни, чем обычно, характеризует более позитивная динамика психологического здоровья.

Еще один значимый кластер факторов психологического благополучия — представления о ситуации с пандемией. Люди, более позитивно оценивающие усилия властей по поддержке населения в период пандемии и в меньшей степени беспокоящиеся о последствиях пандемии лично для себя и для своих семей, оказались менее подвержены негативным изменениям в психологическом состоянии.

В целом для женщин характерно более выраженное снижение психологического благополучия в острый период пандемии. Другие социально-демографические показатели не обладают какой-либо серьезной предиктивной способностью.

Таблица 1. Регрессионные модели изменений в показателях психологического благополучия

		Изменение в психологическом состоянии		Выраженность позитивных эмоциональных проявлений	
		Порядковая регрессия		Линейная регрессия	
		Estimate(95 % CI)	Sig.	B(95 % CI)	Sig.
Зависимые переменные					
Психологическое состояние	немного ухудшилось	1,36(0,39/2,34)	0,006		
	не изменились	3,22(2,23/4,21)	0,000		
	немного улучшилось	6,39(5,32/7,46)	0,000		
	значительно улучшилось	7,74(6,59/8,88)	0,000		
Независимые переменные					
Потеряли работу	Да	-0,69(-1,14/-0,25)	0,002	-0,47(-1,02/0,09)	0,097
	Нет	0(a)			
Пол	Мужчина	0,36(0,08/0,64)	0,012	0,53(0,18/0,89)	0,003
	Женщина	0(a)			
Возраст				-0,02(-0,03/-0,01)	0,002
Физическое здоровье	1. значительно ухудшилось — 5. значительно улучшилось	0,78(0,57/1)	0,000	0,73(0,47/0,98)	0,000

		Изменение в психологическом состоянии		Выраженность позитивных эмоциональных проявлений	
		Порядковая регрессия		Линейная регрессия	
		Estimate(95% CI)	Sig.	B(95% CI)	Sig.
За последний месяц: здоровый образ жизни	1. Значительно менее здоровый — 5. Значительно более здоровый	0,16(0/0,31)	0,046	0,27(0,08/0,46)	0,006
Личный доход	1. Значительно уменьшился — 5. Значительно увеличился	0,42(0,26/0,57)	0,000		
Доход семьи	1. Значительно уменьшился — 5. Значительно увеличился			0,34(0,14/0,54)	0,001
Уровень удовлетворенности мерами по поддержке горожан во время пандемии	(0—3)	0,54(0,25/0,83)	0,000	0,27(0,07/0,47)	0,007
Уровень беспокойства о последствиях пандемии	(0—27)	-0,08(-0,1/-0,05)	0,000	0,53(0,15/0,91)	0,006
Самооценка осведомленности о пандемии	(1—5)			-0,12(-0,15/-0,08)	0,000
R ²		0,293(Nagelkerke)		0,263	

Выводы и обсуждение

Исследование показало, что уже в самом начале периода самоизоляции у значительной части петербуржцев произошли серьезные изменения в занятости: за короткий период времени подавляющее большинство из них столкнулись с негативными последствиями, связанными либо с потерей работы, либо с переменой условий труда. На момент начала внедрения ограничений лишь у каждого пятого жителя мегаполиса сохранялся статус-кво в рабочей позиции. Большинство изменений, произошедших в трудовой деятельности, можно охарактеризовать как «мягкие» формы безработицы, то есть связанные с недоиспользованием рабочей силы за счет снижения количества рабочих часов и уровня заработной платы. Это подтверждает позицию Р. Капелюшникова, считающего, что российский рынок труда адаптировался в условиях пандемии с помощью «альтернативных» форм реакции, которые, в отличие от традиционных («жесткая» безработица с увольнением сотрудника), позволяют сохранить связь с сотрудником [Капелюшников, 2020]. Данная тенденция описывается и в других общероссийских исследованиях,

связанных с изучением последствий распространения коронавирусной инфекции (см., например, [Логинов, 2020; Гимпельсон, Капелюшников, 2020]). Еще один широко распространенный формат изменений — перевод сотрудников на удаленный режим работы. Наши данные показывают, что в Санкт-Петербурге уже в начале эпидемии с этим форматом столкнулся каждый третий работник. До настоящего времени такая практика никогда не была столь массовой, и ее отдаленные последствия пока не изучены.

Не все работающие граждане были одинаково уязвимы к изменениям в трудовой занятости. Наиболее пострадавшей группой в период острой фазы распространения коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге стали самозанятые и индивидуальные предприниматели, которые чаще других сталкивались с более серьезными и негативными изменениями, сопряженными с финансовыми потерями. Отсутствие высшего образования также повышает риск подобных изменений. Эти результаты согласуются с аналитическими отчетами международных организаций [ILO Monitor, 2020; Аналитическая записка..., 2020].

Однако ситуация с другими выделенными на глобальном уровне уязвимыми группами не так однозначна. Международные организации относят молодежь и женщин к категории наиболее пострадавших, они в большей степени были задействованы в отраслях, на которые были наложены максимальные ограничительные меры (туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, сфера услуг). Результаты данного исследования показывают, что петербургская молодежь действительно чаще, чем лица старшего возраста, переходила на неполный рабочий день, однако также чаще находила в этот период и дополнительные возможности для работы. То есть в контексте российского рынка труда данная категория населения смогла лучше адаптироваться к внезапным изменениям. Спецификой трансформации структуры занятости у женщин в Санкт-Петербурге был преимущественно переход к удаленной работе, то есть изменение формата работы, а не ее объема, что также не соотносится с международными замерами. Отсутствие более сильного негативного влияния пандемии на занятость молодежи и женщин, вероятно, может быть объяснено российской спецификой рынка труда, поскольку сходные данные были получены и в других общероссийских исследованиях [Логинов, 2020]. В то же время с точки зрения психологического благополучия женщины действительно оказываются одной из наиболее пострадавших категорий — вне зависимости от вектора и интенсивности происходящих изменений

Из широкого спектра изменений, связанных с занятостью, с которыми столкнулись петербуржцы, лишь потеря работы и снижение финансового благосостояния оказались связанными с более низкими показателями психологического благополучия. Сама по себе самоизоляция, так же как снижение рабочих часов и иные «мягкие» меры, а также перераспределение в связи с ними бюджета времени, по крайней мере на ранних стадиях, не связаны с ухудшением психологического благополучия. Однако в зарубежных лонгитюдных исследованиях снижение занятости, выраженное в уменьшение количества рабочих часов, также было сопряжено с ухудшением психического здоровья [Witteveen, Velthorst, 2020]. Одним из объяснений различий, обнаруженных в разных исследованиях, может служить характер и масштаб ограничительных мер, введенных в конкретный момент на от-

дельных территориях, и способ их позиционирования, а также культурные нормы относительно различных моделей занятости. В нашем случае, как мы видим, изменения занятости носили практически всеобщий характер. Этот фактор мог снижать субъективную значимость и стрессогенность тех трансформаций в занятости, которые воспринимались как временные или нормативные. Выраженные же перемены в трудоустройстве, особенно потеря работы, могут обладать универсально высоким весом в качестве потенциального источника стресса. С психологической точки зрения работа выступает не только как источник финансовой стабильности, но и как важнейшая часть Я-концепции, источник мотивации, личностных смыслов и социальной поддержки (см., например, обзор [Craune, 2020]). Таким образом, потеря работы может быть связана и с существенными психологическими издержками. Кроме того, именно объективные потери в большей степени, чем иные изменения, оказывают негативное влияние на благополучие человека (теория сохранения ресурсов, см. [Hobfoll, 1989]).

Исследование показало, что изменения в психологическом состоянии в кризисный период являются результатом не только объективных изменений, но и субъективных оценок происходящего. Тревога за будущее, недовольство принимаемыми в регионе мерами и в целом оценка пандемии как угрожающего события — фактор, который негативно связан с психологическим благополучием граждан независимо от реально произошедших событий. Данный результат вполне соответствует классической транзактной модели стресса, при которой именно первичная оценка какого-то фактора как угрожающего человеку и находящегося вне зоны его контроля, является важнейшим фактором стресса. Исследования демонстрируют, что ухудшение психического здоровья является как следствием проблем с трудоустройством, так и независимым фактором дальнейших сложностей в данной сфере жизни [Olesen et al., 2013], поэтому меры, направленные на снижение стресса от социальных изменений, уже сами по себе могут способствовать сохранению трудовой занятости.

Данное исследование не свободно от ограничений. Первое из них связано со спецификой территории, на которой было проведено исследование. Опрос в целом отвечает критериям репрезентативности для жителей Санкт-Петербурга, однако насколько полученные данные о масштабе и закономерностях изменений в трудовой занятости сходны с теми, которые проходили на иных территориях России, остается под вопросом. Во-первых, в России в целом высока гетерогенность территорий по различным социально-экономическим характеристикам, в том числе по структуре населения и структуре занятости, и ни один регион не является репрезентативным для России в целом или для ее мегаполисов. Во-вторых, эта гетерогенность усугублялась разнородностью реакций российских региональных властей на пандемию коронавируса: ограничения для передвижения и работы отдельных отраслей вводились в регионах в разное время и в разном объеме. Проведенный анализ показывает, что полученные данные в целом сходны с частью общемировых и общероссийских трендов, однако степень влияния данных изменений на качество жизни населения и скорость восстановления после пандемии будут зависеть от специфики региона.

Вторым ограничением является использование телефонного опроса для получения эмпирических данных. В условиях распространения интернет-опросов, а также увеличивающегося количества отказов респондентов от ответов на телефонные звонки, в том числе за счет настройки функции блокировки звонков, а также неответов на рекламные предложения, вопрос об использовании телефонных опросов как метода становится крайне актуальным. Другое опасение, называемое экспертами, заключается в выборе тематики исследования, которая должна быть общепонятной и неспецифичной [Литвинович, 2016]. Однако в рассматриваемый период использование данного метода представляется оптимальным сочетанием, которое компенсирует недостатки телефонного опроса как метода: во-первых, в апреле 2020 г. тема коронавируса была высоко обсуждаемой и затрагивала каждого человека; во-вторых, введенный режим самоизоляции способствовал, с одной стороны, наличию у населения времени на его прохождение и достижимости выборки по домашним телефонам, в том числе и в рабочее время. С другой стороны, данные резкие социальные изменения способствовали желанию людей высказаться, в том числе тех категорий граждан, которые чаще не отвечают на звонки: молодое поколение, работающие люди. В-третьих, проведение квартирного опроса, который рассматривается как основной конкурирующий метод с точки зрения массовых опросов, фактически был невозможен в силу введенных ограничительных мер.

Несмотря на указанные ограничения данное исследование, по нашим оценкам, является первым в России, которое эмпирически оценило масштаб и структуру изменений в трудовой занятости в первый период пандемии в условиях российского мегаполиса, а также его взаимосвязь с показателями психологического благополучия жителей.

Можно выделить несколько потенциальных направлений развития данной линии исследований. В настоящем исследовании приоритетным было изучение изменений, с которыми столкнулись жители мегаполиса в период пандемии. Однако остается неизвестным, возникла ли ситуация с нестабильностью работы, неустойчивостью бизнеса и неэффективностью мер по защите прав работников в период пандемии по причине коронавируса или же коронавирус стал лишь катализатором тех проблем, которые уже были у бизнеса, работодателей и самозанятых. Возможно, люди, потерявшие работу, были уязвимыми и до начала пандемии. Проведение исследований в данном направлении позволит грамотно выстроить долгосрочную стратегию по работе с гражданами и бизнесом, политики трудоустройства и социальной поддержки населения.

Актуально также проведение мониторинговых исследований, измеряющих состояние населения и организаций в различных отраслях экономики. Это позволит более грамотно распределить финансовые, временные и человеческие ресурсы при выработке стратегии по борьбе с последствиями пандемии. Настоящее же исследование не предполагало изучение долгосрочных последствий пандемии, а, напротив, было направлено на оценку реакций, непосредственно сопровождающих острую фазу кризисной ситуации. Оно не позволяет оценить ни то, насколько трансформации в занятости и их характер оказались устойчивыми во времени, ни то, насколько устойчивыми были изменения в психологическом благополучии. Однако именно эти краткосрочные непосредственные изменения существенно

реже оказываются в фокусе внимания исследователей. Результаты, представленные в данной работе, являются уникальным срезом краткосрочных изменений в психологическом благополучии в ответ на острые социальные перемены и могут быть использованы для разработки экстренных мер поддержки.

Список литературы (References)

Аналитическая записка: сфера труда и COVID-19 // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

United Nations (2020) Policy Brief: The World of Work and COVID-19. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf (accessed: 15.06.2021).

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Рынок труда под натиском коронавируса. Центр трудовых исследований НИУ ВШЭ. 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).

Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2020) The Labor Market Is under the Onslaught of the Coronavirus. Center for Labor Studies HSE University. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (accessed: 15.06.2021).

Литвинович В. М. Телефонное интервью по технологии CATI: преимущества и ограничения // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 58—67. URL: https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2016/04/soc_alm7-1.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

Litvinovich V. M. (2016) CATI: Advantages and Limitations. Sociological Almanac. URL: https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2016/04/soc_alm7-1.pdf (accessed: 15.06.2021). (In Russ.)

Логинов Д. М. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>.

Loginov D. M. (2020) Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>. (In Russ.)

Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я., Чумакова Ю. Б. Эпидемиологический кризис в первой половине 2020 г: социально-экономическое положение населения // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 10. С. 60—72.

Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Ya., Chumakova Yu. B. (2020) Epidemiological Crisis in the First Half of 2020: Socio-Economic Situation. *Russian Economic Development*. Vol. 27. No. 10. P. 60—72. (In Russ.)

Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития: экперт. докл. / рук. авт. кол.: Я. И. Кузьминов, отв. ред.: П. В. Орехин, П. Н. Нетреба. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Kuzminov Ya.I. (head of the ed. board), Orekhin P.V., Ntreba P.N. (eds.) (2020) Russia in a New Era: Choosing Priorities and Goals for National Development: expert. Report. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Щетинина И. В. Государственные ограничительные меры в условиях пандемии и их социально-экономические последствия // ЭКО. 2020. Т. 50. № 5. С. 156—174. <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2020-5-156-174>.

Schetinina I. V. (2020) Public Restrictions during Pandemic and their Socio-Economic Consequences. *ECO*. Vol. 50. No. 5. P. 156—174. <https://doi.org/10.30680/eco0131-7652-2020-5-156-174>. (In Russ.)

Allin P., Hand D. (2014) *The Wellbeing of Nations: Meaning, Motive and Measurement*. Chichester: Wiley.

Burgard S. A., Brand J. E., House J. S. (2007) Toward a Better Estimation of the Effect of Job Loss on Health. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 48. No. 4. P. 369—384. <https://doi.org/10.1177/002214650704800403>.

Crayne M. P. (2020) The Traumatic Impact of Job Loss and Job Search in the Aftermath of COVID-19. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 12. No. S1. P. 180—182. <https://doi.org/10.1037/tra0000852>.

Douglas M., Ney S. (1998) *Missing Persons: A Critique of Personhood in the Social Sciences*. Berkeley: University of California Press.

Ferraro K. F. (2001) Aging and Role Transitions. In: Binstock R. H., George L. K. (ed.) *Handbook of Aging and the Social Sciences*. 5th ed. New York, NY: Academic Press. P. 313—330.

Folkman S., Lazarus R. S. (1984) *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, NY: Springer.

Headey B. (1993) An Economic Model of Subjective Well-Being: Integrating Economic and Psychological Theories. *Social Indicators Research*. Vol. 28. No. 2. P. 97—116. <https://doi.org/10.1007/bf01079653>.

Hobfoll S. E. (1989) Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress. *American Psychologist*. Vol. 44. No. 3. P. 513—524. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.44.3.513>.

ILO Monitor: COVID-19 and The World of Work. Seventh Edition Updated Estimates and Analysis. (2021) URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed: 15.06.2021).

McGregor J. A. (2004) Researching Wellbeing: Communicating Between the Needs of Policy Makers and the Needs of People. *Global Social Policy*. Vol. 4. No. 3. P. 337—358. <https://doi.org/10.1177/1468018104047491>.

McGregor J.A., Pouw N. (2017) Towards an Economics of Well-Being. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 41. No. 4. P. 1123—1142. <https://doi.org/10.1093/cje/bew044>.

OECD. (2011) *How's Life? Measuring Well-Being*. Paris: OECD.

Olesen S. C., Butterworth P., Leach L. S., Kelaher M., Pirkis J. (2013) Mental Health Affects Future Employment as Job Loss Affects Mental Health: Findings From a Longitudinal Population Study. *BMC Psychiatry*. Vol. 13. No. 1. Article 144. <https://doi.org/10.1186/1471-244x-13-144>.

Pearlin L. I., Notes A. (2010) The Life Course and the Stress Process: Some Conceptual Comparisons. *The Journals of Gerontology. Series B*. Vol. 65B. No. 2. P. 207—215. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbp106>.

Pearlin L. I., Lieberman M., Menaghan E., Mullan J. T. (1981) The Stress Process. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 22. No. 4. P. 337—356. <https://doi.org/10.2307/2136676>.

Rabkin J. G., Struening E. L. (1976) Life Events, Stress, and Illness. *Science*. No. 194. No. 4269. P. 1013—1020. <https://doi.org/10.1126/science.790570>.

Wilson J. M., Lee J., Fitzgerald H. N., Oosterhoff B., Sevi B., Shook N. J. (2020) Job Insecurity and Financial Concern during the COVID-19 Pandemic Are Associated with Worse Mental Health. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. Vol. 62. No. 9, P. 686—691. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000001962>.

Witteveen D., Velthorst E. (2020) Economic Hardship and Mental Health Complaints During COVID-19. *PNAS*. Vol. 117. No. 44. P. 27277—27284. <https://doi.org/10.1073/pnas.2009609117>.

Приложение

Характеристика изменений в занятости
 в зависимости от социально-демографических характеристик

Изменения в занятости	По всей выборке, %	Мужчины, %	Женщины, %	P—value	χ^2 —Пирсона
Потеряли работу	14,7	15,5	14,0	н/з	0,383
Сменили место работы, не меняя профиля работы	4,0	5,3	2,8	н/з	3,606
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,4	3,7	1,3	0,020	5,424
Перешли на неполный рабочий день	17,2	17,2	17,2	н/з	0,000
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,6	10,3	7,1	н/з	2,882
Перешли на удаленную работу	36,4	31,6	41,0	0,004	8,491
Ушли в оплачиваемый отпуск	6,8	7,6	6,0	н/з	0,856
Ушли в неоплачиваемый отпуск	13,1	12,5	13,6	н/з	0,253
Вам сократили заработную плату	32,8	32,9	32,7	н/з	0,003
Изменения в занятости	По всей выборке, %	Молодежь (до 25 лет), %	Старше 25 лет, %	P—value	χ^2 —Пирсона
Потеряли работу	14,7	10,1	15,5	н/з	2,375
Сменили место работы, не меняя профиля работы	4,0	5,0	3,9	Недостаточно данных для расчета	
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,4	4,2	2,2	Недостаточно данных для расчета	
Перешли на неполный рабочий день	17,2	24,6	16,1	0,023	5,182
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,6	16,7	7,4	0,01	11,304
Перешли на удаленную работу	36,3	41,9	35,4	н/з	1,841
Ушли в оплачиваемый отпуск	6,8	3,3	7,4	Недостаточно данных для расчета	
Ушли в неоплачиваемый отпуск	13,1	17,6	12,4	н/з	2,473
Вам сократили заработную плату	32,9	39,0	31,8	н/з	2,341

*Характеристика изменений в занятости
 в зависимости от социально-демографических характеристик (продолжение)*

Изменения в занятости	По всей выборке, %	Люди пенсионного возраста, %	Другие, %	P — value	χ^2 — Пирсона
Потеряли работу	14,7	11,2	15,7	н/з	2,424
Сменили место работы, не меняя профиля работы	4,0	0,0	5,1	0,002	9,983
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,4	1,0	2,8	Недостаточно данных для расчета	
Перешли на неполный рабочий день	17,2	11,6	18,7	0,022	5,211
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,6	2,6	10,3	0,001	11,124
Перешли на удаленную работу	36,3	33,2	37,1	н/з	0,989
Ушли в оплачиваемый отпуск	6,8	10,8	5,8	0,015	5,861
Ушли в неоплачиваемый отпуск	13,1	11,9	13,4	н/з	0,307
Вам сократили заработную плату	32,9	23,4	35,2	0,003	8,544
Изменения в занятости	По всей выборке, %	Люди, проживающие совместно с несовершеннолетним, %	Люди, проживающие совместно с несовершеннолетним, %	P — value	χ^2 — Пирсона
Потеряли работу	13,9	18,0	11,5	0,013	6,103
Сменили место работы, не меняя профиля работы	4,2	4,7	3,9	н/з	0,323
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,5	1,1	3,3	Недостаточно данных для расчета	
Перешли на неполный рабочий день	18,1	20,3	16,8	н/з	1,406
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,0	7,7	8,1	н/з	0,046
Перешли на удаленную работу	36,9	34,7	38,1	н/з	0,879
Ушли в оплачиваемый отпуск	6,7	7,0	6,5	н/з	0,054
Ушли в неоплачиваемый отпуск	13,2	14,3	12,6	н/з	0,471
Вам сократили заработную плату	32,8	38,7	29,5	0,013	6,135

**Характеристика изменений в занятости
 в зависимости от социально-демографических характеристик (продолжение)**

Изменения в занятости	По всей выборке, %	Самозанятый, индивидуальный предприниматель, %	Другие, %	P — value	χ² — Пирсона	
Потеряли работу	14,5	27,4	11,4	0,000	27,659	
Сменили место работы, не меняя профиля работы	3,0	9,1	2,7	0,000	14,466	
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,4	4,2	2,0	Недостаточно данных для расчета		
Перешли на неполный рабочий день	17,4	27,8	14,9	0,000	15,086	
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,4	12,2	7,5	н/з	3,716	
Перешли на удаленную работу	36,4	36,6	36,4	н/з	0,002	
Ушли в оплачиваемый отпуск	7,1	0,6	8,7	Недостаточно данных для расчета		
Ушли в неоплачиваемый отпуск	12,9	17,0	11,9	н/з	3,072	
Вам сократили заработную плату	33,2	42,9	30,9	0,005	8,010	
Изменения в занятости	По всей выборке, %	Среднее, %	Профессиональное, %	Высшее, %	P — value	χ² — Пирсона
Потеряли работу	14,7	18,8	19,1	11,9	0,013	8,696
Сменили место работы, не меняя профиля работы	4,0	7,6	3,3	3,5	Недостаточно данных для расчета	
Сменили профиль работы (профессию или сферу занятости)	2,4	5,1	1,6	2,2	Недостаточно данных для расчета	
Перешли на неполный рабочий день	17,2	19,7	14,5	17,8	н/з	1,928
Перешли на большую долю ставки или взяли дополнительную работу	8,6	10,1	7,8	8,7	н/з	0,541
Перешли на удаленную работу	36,4	22,9	13,6	49,8	0,000	104,655
Ушли в оплачиваемый отпуск	6,8	4,3	7,9	6,9	Недостаточно данных для расчета	
Ушли в неоплачиваемый отпуск	13,1	23,1	13,8	10,6	0,001	13,244
Вам сократили заработную плату	32,8	44,2	32,3	30,5	0,018	7,982